

Л е о н и д
С о к о л о в

ЛЬВОВ ПОД РУССКОЙ ВЛАСТЬЮ

1 9 1 4 - 1 9 1 5

Леонид Соколов

**Львов под русской
властью. 1914–1915**

«Алетейя»

2019

УДК 94(477.83)"1914/1915
ББК 63.3(4Укр)53

Соколов Л.

Львов под русской властью. 1914–1915 / Л. Соколов —
«Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-26-3

Книга рассказывает о событиях, происходивших в Галичине (австрийской Галиции) в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено событиям, происходившим во Львове в период, когда этот город был занят русскими войсками и 293 дня находился под русской властью. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(477.83)"1914/1915
ББК 63.3(4Укр)53

ISBN 978-5-907189-26-3

© Соколов Л., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Леонид Соколов
Львов под русской властью. 1914–1915

*Данная книга увидела свет благодаря помощи Богдана Безпалько,
Николая Руснака и других благотворителей, поддерживающих традиции
русского меценатства*

© Л. Соколов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Предисловие

В наше время можно встретить утверждение, что период пребывания Галичины, а соответственно и города Львова, в составе Украинской ССР был периодом русской оккупации. Однако с этим нельзя согласиться как потому, что это не была оккупация, так и потому, что советская власть не являлась русской властью. Но в двадцатом веке был период, когда Львов действительно находился под русской властью. Это было время с 21 августа 1914 года по 9 июня 1915 года по старому стилю, принятому тогда в России (или с 3 сентября 1914 по 22 июня 1915 по новому стилю), когда в ходе Первой мировой войны Львов был занят русскими войсками.

В 1915 году русские войска оставили большую часть Галиции, а в 1917 году Россия была потрясена двумя революциями. Очевидно, что и со стороны победивших в феврале 1917-го “демократов”, и со стороны победивших в октябре того же года большевиков, как и для перешедших на их сторону представителей “старого режима”, оценка действий царской власти в предшествующие годы не могла быть иной, кроме как отрицательной. Иначе возникал бы вопрос, для чего тогда одним было нужно отстранять от власти царя во время войны и создавать условия для дезорганизации армии, а другим разваливать армию и заключать сепаратный мир в Брест-Литовске на тех условиях, на которых он был заключен в марте 1918 года.

Поэтому в посвященных Первой мировой войне публикациях советского периода тема русской власти в Галиции если косвенно и затрагивалась, то непременно сопровождалась отрицательной характеристикой. Также и авторы современных украинских публикаций если касаются темы пребывания Львова под русской властью в 1914–1915 годах, то подают ее весьма тенденциозно, в соответствии с господствующими ныне идеологическими установками, имеющими ярко выраженную антироссийскую направленность. Как правило, внимание акцентируется на запрете деятельности галицко-украинских организаций и высылке ряда активистов этих организаций, а также высылке митрополита Шептицкого, что, конечно, имело место, но для полноты картины следовало бы сказать и о причинах таких решений русских властей. Представить же целостную картину, отражающую различные, в том числе и чисто бытовые стороны жизни города под русской властью, по таким публикациям вообще невозможно.

Но прежде чем непосредственно приступить к рассказу о событиях, происходивших в Галиции и во Львове во время войны, следует затронуть вопрос о том, как начиналась война. Потому что, опять же возвращаясь к идеологическим установкам, которым следуют украинские авторы, не трудно догадаться, на кого они возлагают главную долю ответственности за развязывание этой войны. Некоторые украинские историки даже прямо заявляют, что Россия первой напала на Австрию.

К примеру, Исидор Нагаевский в своей книге “История Украинской державы двадцатого столетия” пишет, что «2 августа царь провозгласил манифест об объявлении Россией войны Австрии», и далее: «Москва начала войну 2 августа 1914 года и сразу же осуществила наступление на Галичину» (Нагаевський І. Історія Української держави двадцятого століття. К., 1993, с.49, с.54.).

А львовский историк Валентин Мороз в книге “Украина в двадцатом столетии” излагает события в такой последовательности: «Целый месяц после сараевского убийства пошел на дипломатическое “обнюхивание”. Наконец 28 июля 1914 года Австрия объявила войну Сербии, Россия в ответ объявила войну Австрии, Германия – России, Франция – Германии» (Мороз В. Україна в двадцятому столітті. Тернопіль, 1992, с.57.).

Поскольку существуют такие утверждения, высказываемые пусть и украинскими, но все-таки историками (что, казалось бы, должно предполагать определенный уровень знакомства с историческими фактами и хоть какую-то степень добросовестности в их подаче), необходимо

вначале рассмотреть вопрос о том, как же в действительности развивались события, приведшие в 1914 году к мировой войне, что позволит прояснить вопрос о степени ответственности тогдашних европейских держав за развязывание этой войны.

Кроме того, приходится встречаться с мнением, что будь в России в 1914 году другое правительство, и войны можно было бы избежать. Однако и при конструировании подобного рода альтернативных версий следует держаться в рамках реально существовавших на тот момент обстоятельств.

Развитие событий от 28 июня до начала августа 1914 года дает поразительный пример того, как вначале, 28 июня в Сараево, совершенно нелепая случайность – поворот, альтернатива которому не просто существовала, но была прямо предусмотрена – подвела австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу под пули сербского террориста Гаврила Принципа. А уже их гибель, в свою очередь, запустила механизм, приведший мир к вооруженному конфликту, возникновение которого при реально существовавшей тогда расстановке сил, направленности интересов великих европейских держав и создавшихся условий было практически безальтернативным.

Введение

Перед войной. Сараево, 28 июня 1914. От выстрелов в Сараево до мировой войны

Международная обстановка последних предвоенных лет неоднократно была чревата угрозой серьезного конфликта – боснийский кризис 1908 года, первая (1912 г.) и вторая (1913 г.) балканские войны создавали достаточно поводов для начала большой войны. Но великие державы во всех этих случаях воздерживались от вмешательства, и опасного столкновения удавалось избежать. Что касается России и Австро-Венгрии, то хотя их интересы в большей степени, чем других держав, входили в противоречие на Балканах, ни в Петербурге, ни в Вене не желали военного конфликта между своими странами.

Россия после неудачной войны с Японией нуждалась в существенном переустройстве своих вооруженных сил и русская большая военная программа должна была завершиться только в 1917 году.

В Австро-Венгрии имелись деятели, готовые ввязаться в войну на Балканах. Наиболее активным среди них был начальник генерального штаба Франц Конрад фон Гетцендорф, который выступал с идеей превентивной войны против Сербии. Но и они имели в виду ограниченную, локальную войну. Вступать в войну с Россией в Вене явно опасались. Наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд, по словам австрийского историка Роберта Канна, «был решительным противником всякой войны, которая могла привести к столкновению с Россией и к падению династий Габсбургов и Романовых в результате революций».

Император Николай II

Император Франц Иосиф

Тот факт, что императоры Австрии и России не желали войны между своими странами, подтверждал, между прочим, не кто иной, как В.И. Ленин. Он писал Горькому на Капри в 1913 году: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие».*

Главными противниками на мировой арене являлись тогда Англия и Германия, наиболее могущественные участники двух враждебных блоков – Антанты и Тройственного союза, хотя британская дипломатия и стремилась замаскировать остроту англо-германских противоречий. Определенные круги в Англии, а также во Франции были не прочь сравнить Германию с Россией, желая извлечь выгоду из столкновения европейских монархий – Германской, Российской и Австро-Венгерской, что, кстати, не являлось особой тайной и открыто обсуждалось

на страницах российской печати. Русский публицист М.О. Меньшиков писал в 1910 году в газете “Новое Время” в статье под заголовком “Нас натравливают”: «Удивительно, до чего кое-кому в Европе хочется сравнить Германию с Россией. [...] так как разбогатевшая буржуазия Англии и Франции отвыкла от героизма, и боится войны, то всеми мерами подыскивается менее взыскательный сосед, который подрался бы за них с немцами. [...]

Отношения наши к ближайшим и вечным соседям – Германии и Австрии оставляют желать много лучшего, это правда, но они вовсе не так безнадежно плохи, чтобы ломать их окончательно. С обеими империями у нас еще не было борьбы, стало быть, нет ни с той, ни с другой стороны опасной потребности реванша. [...]

С теперешней Австро-Венгрией, несмотря на удивившую мир ее неблагодарность, жить еще в кое-каком мире можно, доказательством тому – теперешний более чем столетний мир. Тем более возможно мирное сожительство с Германией, между тем с разных сторон делаются недвусмысленные усилия к тому, чтобы поссорить нас с нею. [...] Неужели на потеху врагов обеих империй они разыграют роль гладиаторов на европейской арене?».

Император Вильгельм II

Эрцгерцог Франц Фердинанд

Хотя между Германией и Россией не существовало непреодолимых противоречий, для разрешения которых непременно требовалось бы воевать (на что в свое время указывал и О. Бисмарк), и стремление Германии к переделу мира, в котором доминировали Англия и Франция, вело Германию к столкновению именно с этими странами, но Россия наряду с Англией и Францией была членом Антанты, что вынуждало Германию смотреть на Россию как на своего неприятеля.

Германия вела активную подготовку к войне, опережая своих потенциальных противников. Но пока должная степень готовности не была достигнута, в Берлине не спешили начинать войну, несмотря на то, что международная обстановка позволяла найти достаточное количество поводов для разжигания военного конфликта.

31 марта 1914 года была завершена работа над германским мобилизационным планом. Теперь Германия была полностью готова к войне. Она превосходила и Россию, и Францию по

быстроте мобилизации, точности работы железных дорог, наличию офицерских кадров, подготовленных резервных формирований, по насыщенности армии артиллерией, в особенности по наличию тяжелой полевой артиллерии.

Дело оставалось только за подходящим поводом...

* * *

На 26 июня 1914 года было запланировано начало маневров двух корпусов австро-венгерской армии на территории Боснии, западнее городка Илиджа. Командование маневрами возлагалось на генерала Оскара Потioreка, а с целью инспекции войск, участвующих в маневрах, в Боснию отправился наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, который прибыл в Илиджу 25 июня. На воскресенье 28 июня был намечен визит Франца Фердинанда в главный город Боснии – Сараево, где уже 24 июня во всех местных газетах можно было прочитать официальную программу этого визита со всеми подробностями и поминутным распорядком.

Но не только городские власти Сараево готовились к приезду престолонаследника. Готовились к нему и члены подпольной организации “Молодая Босния”, которые приняли решение убить Франца Фердинанда во время его проезда по улицам Сараево.

Утром 28 июня Франц Фердинанд вместе со своей супругой герцогиней Софией Гогенберг, в девичестве графиней Хотек, выехал специальным поездом из Илиджи в Сараево. На вокзале в Сараево эрцгерцога и его супругу встречал генерал Потioreк. Франц Фердинанд был в парадной форме генерала кавалерии – голубой мундир с высоким, шитым золотом воротником и такими же обшлагами, пояс с большими золотыми кистями, черные брюки с двойными красными лампасами, генеральская шляпа со светло-зелеными перьями. София была в широкополой, украшенной перьями шляпе, длинном белом шелковом платье с красным поясом, в руке она держала зонтик от солнца.

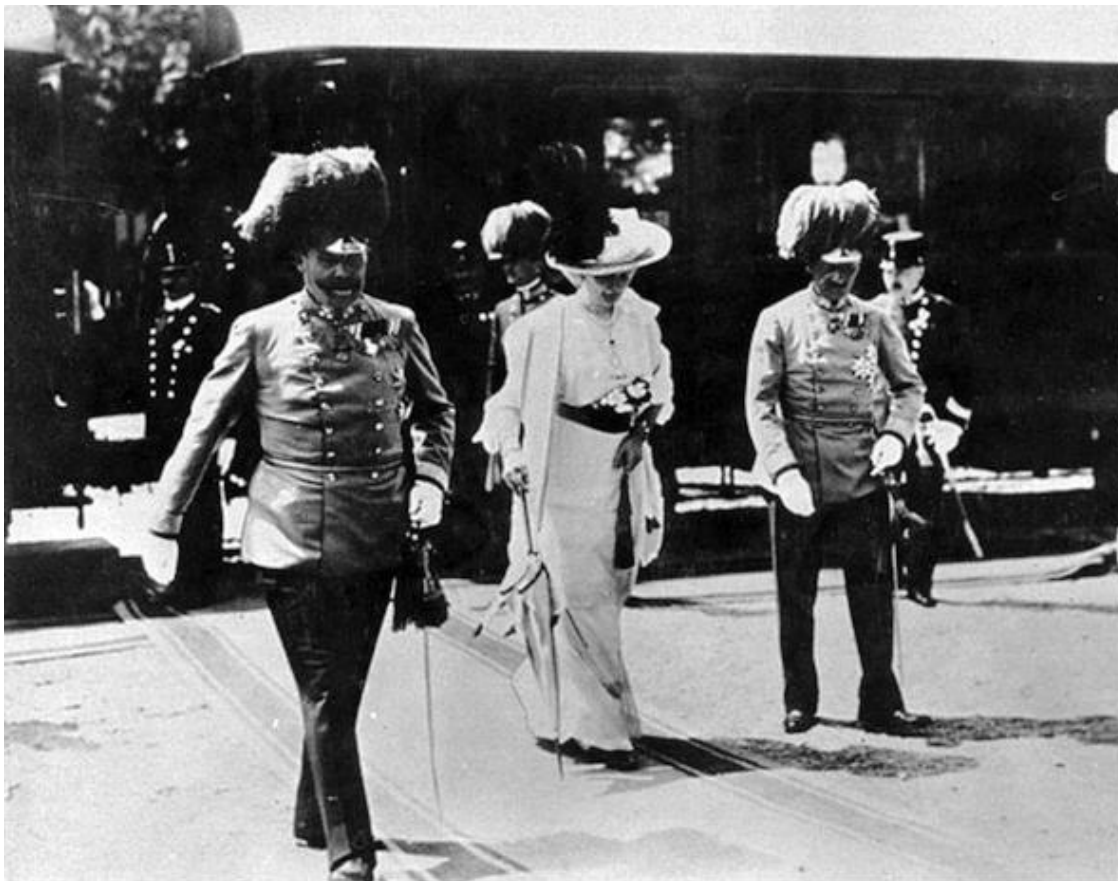
Обойдя строй почетного караула, Франц Фердинанд направился к автомобилю. У вокзала стояли семь автомобилей, предназначенных для эрцгерцога и его свиты. Они принадлежали членам императорско-королевского Добровольческого автомобильного корпуса, исключительно офицерам резерва, которые предоставляли свои машины в распоряжение императорского двора и высокопоставленных генералов в случае маневров или каких-либо официальных мероприятий. Для Франца Фердинанда и Софии был приготовлен черный шестиместный “Греф унд Штифт”, принадлежащий графу Францу Гарраxu. Откидной верх автомобиля был открыт.

Франц Фердинанд занял место на заднем сидении слева, а София справа. В эту же машину сели ее владетель граф Гаррах и генерал Потioreк. За рулем находился шофер Гарраха Леопольд Лойка. (Это ему предстояло примерно через час поворотом руля направить мир к Великой войне.)

Первым пунктом программы пребывания Франца Фердинанда в Сараево было посещение городской ратуши, к которой и направился от вокзала кортеж из семи автомобилей. В первой машине ехали офицеры полиции, во второй – бургомистр Сараево Чурчич и начальник полиции Герде, третьей шла машина эрцгерцога, а за ней еще четыре машины с сопровождающими лицами.

Часть пути от вокзала к ратуше пролегла по набережной речки Милячки, которую на этом участке пересекали три моста – мост Чумурия, Латинский мост и Императорский мост. Вот в районе этих трех мостов на расстоянии примерно 350 метров и расположились заговорщики, вооруженные бомбами и пистолетами. Первые трое стояли на набережной со стороны реки, справа по ходу движения кортежа, у моста Чумурия. Первым, метрах в 20-ти перед мостом, стоял Мехметбашич, на углу набережной и моста стоял Чубрилович, а в нескольких

метрах дальше за мостом – Чабринович. На противоположной стороне набережной под деревьями, несколько наискось напротив Чабриновича стоял Попович. Неподалеку от него находился Илич, который был без оружия и только наблюдал за происходящим. Далее со стороны реки на углу набережной и Латинского моста стоял Принцип, а еще дальше – у Императорского моста – шестой вооруженный заговорщик – Грабеж.

Эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой. Прибытие в Сараево

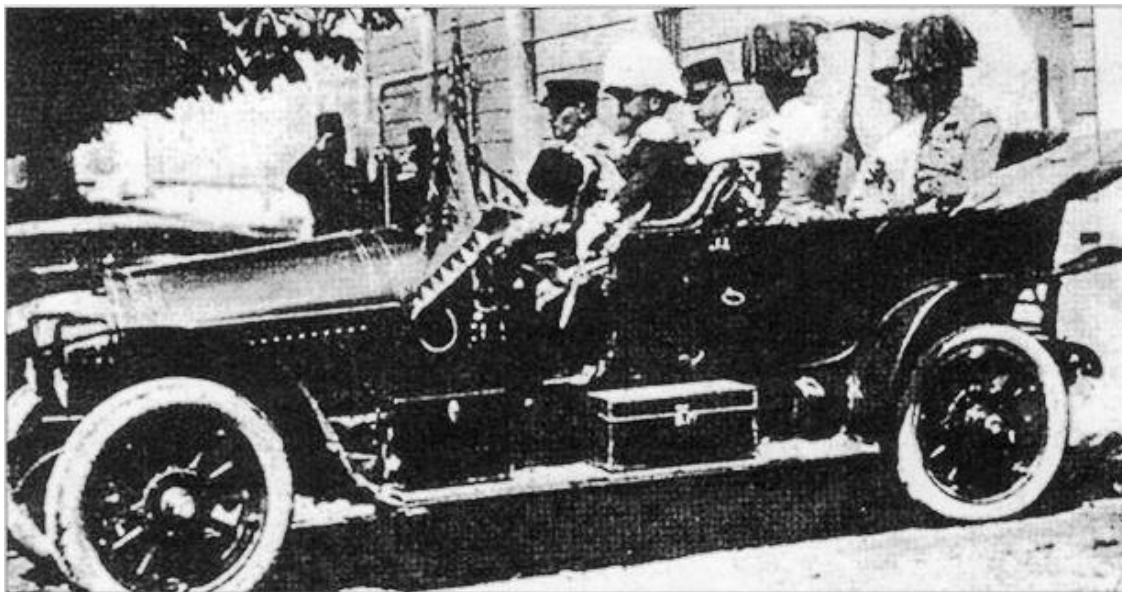

Эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой в Сараево

Через несколько минут после того как заговорщики заняли свои места, показался кортеж. Он двигался медленно, со скоростью примерно 15–20 километров в час, и с дистанцией между машинами метров 30. Когда третья машина кортежа с черно-желтым императорским флажком проезжала мимо Мехметбашича, у того сдали нервы и он не решился действовать, также не смог посягнуть на жизнь человека и Чубрилович.

Затем машина поравнялась с Чабриновичем, который решил действовать. Он извлек бомбу, ударил ее о трамвайную мачту, чтобы привести в действие взрыватель, затем бросил прямо на Франца Фердинанда и... промахнулся на пару сантиметров. Предохранитель сработал с хлопком, похожим на пистолетный выстрел. Шофер, который его услышал, произвольно прибавил скорость, и бомба упала на сложенную сзади откидную крышу машины, а оттуда свалилась на мостовую. Несколько секунд она лежала, дымясь, а затем взорвалась, в тот момент, когда к этому месту подъехал четвертый автомобиль кортежа. Взрыв выбил в мостовой воронку в 30 сантиметров диаметром и 15 сантиметров глубиной.

Чабринович попытался проглотить припасенный заранее яд, но от волнения большую часть его рассыпал, затем прыгнул через парапет набережной в речку. Среди столпившихся на тротуаре зрителей десятков человек, стоявших в непосредственной близости от места взрыва, были ранены осколками, остальные стали разбегаться, ища укрытия в боковых улицах. Паника охватила Мехметбашича, Чубриловича и Поповича, и они бежали, скрылся также Илич.

Незадолго до покушения

Покушение в Сараево

Когда бомба взорвалась, первые две машины кортежа находились уже далеко впереди. Их пассажиры – полицейские офицеры, Герде, бургомистр Чурчич – слышали взрыв, но не громко, и не придали этому значения, а бургомистр принял его за звук артиллерийского салюта в честь эрцгерцога, поэтому они поехали дальше к ратуше.

Франц Фердинанд, услышав взрыв, оглянулся и увидел, что следующая машина остановилась, воздух возле нее наполнен дымом, и понял, что это была попытка покушения.

Было не исключено, что другие террористы находятся поблизости, и было бы само собой разумеющимся, если бы эрцгерцог, не останавливаясь, поехал дальше. Но первой его реакцией

была реакция офицера, ответственного за своих подчиненных: члены его свиты могли быть ранены, и если бы такое случилось, он должен был позаботиться, чтобы все возможное для них было сделано. Не обращая внимания на собственную безопасность, он велел остановиться и приказал графу Гарраxu выяснить, что произошло.

Гаррах установил, что шедшая сзади машина, принадлежащая графу Боос-Вальдеку, приняла на себя значительную часть взрыва. Ее двигатель был поврежден, и машина вышла из строя. Из ее пассажиров был задет осколками граф Боос-Вальдек, также получил ранение в голову адъютант генерала Потioreка Мерицци.

Чабринович, на которого яд не подействовал, был схвачен полицией на другой стороне речки, в которой было совсем немного воды.

Между тем Принцип находился в замешательстве. Он услышал взрыв бомбы, но с того места, где он стоял среди толпы людей, ему из-за небольшого роста не было видно, что произошло.

После того как Гаррах вернулся и доложил, что никто не погиб, а раненым оказывают помощь, Франц Фердинанд приказал ехать дальше. Принцип не мог видеть эрцгерцога, который сидел в машине слева, но увидел Софию и понял, что попытка не удалась. Он остался стоять, проводив взглядом остальную часть кортежа, которая проследовала перед ним.

Грабеж, стоявший в сотне метров дальше, у Императорского моста, также слышал взрыв и думал, что покушение прошло успешно, так как третья машина кортежа своевременно не появилась. Но затем эрцгерцог проехал мимо него. Менее решительный, чем Принцип, и также стоявший среди толпы, он не действовал.

Оба – каждый за себя, ничего не зная о том, где находятся другие, – решали вопрос, что теперь делать, и оба решили предпринять дальнейшую попытку покушения. Грабеж остался стоять на углу набережной и Императорского моста. Принцип после некоторого промедления пересек набережную и прошел несколько шагов вдоль по улице Франца Иосифа, которая в продолжение Латинского моста отходила под прямым углом от набережной вглубь старого города. Согласно опубликованной программе, эрцгерцог должен был после посещения ратуши принять участие в открытии музея, и на своем пути от ратуши к музею, двигаясь вначале в обратном направлении по набережной, свернуть затем направо, на эту улицу. Итак, пройдя несколько шагов по улице Франца Иосифа, Принцип остановился у мелочной лавки Морица Шиллера, стараясь быть как можно менее заметным.

Когда Франц Фердинанд подъехал к ратуше, бургомистр Фехим Чурчич Эффенди, который не знал о том, что произошло, принялся на ступенях ратуши читать свою верноподданническую речь. Ни Потioreку, ни кому-либо другому не пришло в голову, что этот акт из соображений безопасности следовало бы перенести внутрь здания, потому что неподвижно стоявший эрцгерцог представлял удобную мишень для террориста, который мог находиться среди зрителей. Тут престолонаследник внезапно осознал, что он и его жена находились на волосок от смерти, и он перебил бургомистра: “Что мне до ваших речей? Я приехал в Сараево с визитом, а в меня бросают бомбу. Это возмутительно!” Возникло опасение, что у эрцгерцога начинается приступ ярости, что в этих условиях было неудивительным и вполне объяснимым. Но Франц Фердинанд сдержался, с большим усилием овладел собой и сказал бургомистру: “Так, теперь можете продолжать”. Неспособный к импровизации, бургомистр продолжил дальше читать приготовленный текст.

Чтобы опередить тревожные сообщения газет, Франц Фердинанд составил телеграмму императору с успокоительным докладом о происшедшем. Тем временем свита совещалась о том, как безопасно вывезти эрцгерцога из Сараево. Предлагали вызвать с маневров войска и очистить улицы от публики. Однако Франц Фердинанд наотрез отказался. Он решил всю предусмотренную программу выполнить полностью, но с одним изменением: прежде чем ехать в музей, он хотел проведать раненого Мерицци в военном госпитале. Конечно, Франц Ферди-

нанд решил ехать туда один, не подвергая опасности Софию, и поэтому он приказал своему адъютанту Морсею вывезти Софию из города. Однако она в дружеском, но очень настойчивом тоне сказала Морсею: “Так долго как эрцгерцог будет сегодня появляться на публике, я его не оставлю”. Морсей поклонился, сошел вниз и доложил Францу Фердинанду о решении его жены.

В госпиталь можно было добраться без того, чтобы проезжать по узким улочкам старого города Сараево, и без того, чтобы ехать по улице Франца Иосифа, по которой эрцгерцог должен был следовать в музей согласно опубликованной программе. Достаточно было ехать прямо по набережной, не сворачивая направо на улицу Франца Иосифа. Соответствующее изменение маршрута было утверждено и доведено до сведения начальника полиции Герде. Машина, в которой ехали Герде и бургомистр Чурчич, теперь должна была идти во главе колонны, а шофер Лойка, который вел машину эрцгерцога, должен был следовать за головной машиной.

В чем заключались причины того, что произошло дальше, так и осталось неясным. То ли начальник полиции что-то забыл или перепутал, инструктируя своего шофера, но в любом случае именно он и бургомистр были теми, кто непосредственно привел к последовавшей катастрофе. После того как Франц Фердинанд занял место в машине, София как и раньше села справа от него, а генерал Поттиорек на откидном сидении напротив нее. Но граф Гаррах не сел в машину, а встал на левую подножку возле эрцгерцога, чтобы в случае опасности прикрыть его своим телом. Когда Франц Фердинанд, смеясь, предложил ему занять место около шофера, он отказался.

Колонна автомобилей поехала обратно по набережной. Грабеж у Императорского моста видел ее проезд, но никаких действий не предпринял. Уже в седьмой раз в течение часа эрцгерцог проезжал мимо своего потенциального убийцы, дальше на набережной никого из заговорщиков не было...

Но тут по какой-то донныне неясной причине головная машина вместо того, чтобы ехать прямо, повернула направо, на улицу Франца Иосифа, и шофер Лойка, который никаких иных распоряжений не получал, следуя за ней, также повернул руль вправо и въехал на эту улицу.

Арест Гаврилы Принципа

Гаврило Принцип

Сараево. Место покушения

Генерал Потioreк заметил, что произошло, обернулся и приказал шоферу возвращаться обратно на набережную. Для этого Лойка должен был остановиться и дать задний ход. Он нажал на тормоз, и через несколько секунд машина остановилась у правого тротуара напротив мелочной лавки Морица Шиллера, в полутора метрах от того места, где стоял Гаврила Принцип. Сама судьба преподнесла ему шанс навеки войти в историю.

Принцип увидел, что на ближайшей к нему стороне машины сидит София, но промедлил только доли секунды. Поднимая пистолет, он произвел один за другим два выстрела. Первая пуля пробила борт машины и поразила Софию. Франц Фердинанд повернулся на звук выстрела, приподнялся, и в этот момент вторая пуля ударила ему в шею повыше воротника.

Потиорек приказал Лойке прямо через Латинский мост ехать во дворец. Ни он, ни офицеры из свиты эрцгерцога, которые, услышав выстрелы, выскочили из своих машин и бросились вперед, не заметили сразу, что Франц Фердинанд и его супруга ранены. Франц Фердинанд все еще сидел прямо, София склонилась на его колени, и можно было подумать, что она от страха упала в обморок. Поттиорек был занят тем, что давал указания шоферу, который разворачивал машину, двое младших офицеров бросились в толпу, окружившую Принципа. Только граф Гаррах, рыцарская попытка которого защитить эрцгерцога не удалась, потому что он стоял на противоположной от Принципа стороне машины, первым понял, что произошло.

Когда приехали во дворец, София была уже мертва, Франц Фердинанд умер несколькими минутами позже.

В четверть двенадцатого над Сараево раздался траурный колокольный звон...

(Описание событий 28 июня 1914 г. в Сараево дано на основании: Brook-Shepherd G. Die Opfer von Sarajevo. Erzherzog Franz Ferdinand und Sophie von Chotek. Stuttgart, 1988; Cassels L. Der Erzherzog und sein Mörder. Sarajevo, 28 Juni 1914. Wien-Köln-Graz, 1988.)

* * *

Сам по себе факт убийства престолонаследника еще не означал для Австро-Венгрии фатальной неизбежности войны. Франц Фердинанд не был популярен в высших кругах монархии Габсбургов, не пользовался он и благосклонностью императора Франца Иосифа. Ввергать государство в войну из-за его гибели едва ли кто был намерен. Однако уже первые сведения, поступившие из Сараево, свидетельствовали о том, что покушение на Франца Фердинанда явилось результатом заговора, следы которого вели в Сербию. Здесь был затронут престиж Австро-Венгрии как великой державы, и на этот вызов следовало как-то отвечать.

В австро-венгерском руководстве не было единства мнений по вопросу о дальнейших действиях. Конрад фон Гетцендорф настаивал на немедленном объявлении мобилизации, аргументируя это тем, что если Австро-Венгрия незамедлительно не отреагирует и не обезвредит Сербию, она навсегда потеряет свой авторитет на Балканах и ее положение как великой державы будет поставлено под угрозу. Министр-президент Венгрии граф Тисса категорически возражал, указывая, что война с Сербией может повлечь за собой мировой конфликт. Министр иностранных дел граф Леопольд Берхтольд разъяснил Конраду, что вопрос о немедленном объявлении мобилизации не ставится, а графу Тиссе ответил, что непринятие мер против Сербии будет расценено как признак слабости, и затем подчеркнул, что прежде чем предпринимать какие-либо меры, необходимо выяснить мнение своего союзника, то есть Германии.

Граф Берхтольд подготовил текст личного письма императора Франца Иосифа кайзеру Вильгельму II. Император одобрил и подписал. В письме, в частности, говорилось, что в деле об убийстве Франца Фердинанда *«речь идет не о покушении одиночки, но о хорошо организованном заговоре, нити от которого ведут в Белград»*.

Таким образом, уже на первом этапе кризиса, вызванного убийством Франца Фердинанда, решение вопроса о войне и мире было фактически предоставлено Берлину. В Германии же пришли к выводу, что благоприятный момент для развязывания большой войны наступил, и сараевское убийство можно использовать в качестве повода для такой войны.

Если прежде кайзер Вильгельм II неоднократно призывал Вену к сдержанности по отношению к Сербии, то теперь он изменил свою позицию на противоположную. В Берлине сочли желательным подтолкнуть Австро-Венгрию к военному конфликту с Сербией. Поражение Сер-

бии должно было упрочить на Балканах позиции Австро-Венгрии в частности, и германизма вообще, престиж которых там явно пошатнулся после балканских войн. К тому же создавшееся к этому времени общее положение расценивали в Германии как благоприятное именно для такого решения вопроса. В Берлине знали, что Россия сейчас к войне не готова, но в дальнейшем ситуация будет меняться не в пользу Германии. В июне 1914 года статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов писал послу в Лондон: *«В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия будет уже боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа, между тем, все более слабеет».*

В случае если бы Россия все-таки оказала военную поддержку Сербии и началась большая война, то теперь, летом 1914 года, Германия вступила бы в нее в наиболее выгодных для себя условиях.

Поэтому, получив письмо от императора Франца Иосифа, кайзер Вильгельм II заявил австрийскому послу в Берлине Сегени, что Австро-Венгрия *«может рассчитывать на полную поддержку Германии».*

Хотя Германия предоставила Австро-Венгрии свободу действий, в Вене по-прежнему не решались пойти на военный конфликт с Сербией. Существовали опасения по поводу возможного вмешательства России, также граф Тисса по-прежнему возражал против развязывания войны. С большим трудом сторонникам войны удалось переубедить главу венгерского правительства.

По словам Н.Н. Шебеко, тогда русского посла в Вене, активную роль в обострении австро-сербских отношений играл в те дни германский посол в Вене Чирский. Он уверял австро-венгерских политических деятелей, что Россия не будет и не может вмешиваться во взаимоотношения между Австро-Венгрией и Сербией, мотивируя это тем, что неподготовленность к войне делает совершенно невероятным активное выступление России. В конечном итоге все это подействовало.

Прошло уже больше двух недель после получения германского ответа, когда, наконец, Совет министров постановил направить в Белград ноту. По существу был сформулирован ультиматум, текст которого австро-венгерский посланник барон Гизль вручил сербскому правительству в 6 часов вечера 23 июля 1914 года. Срок для предоставления ответа был установлен в 48 часов. В случае отказа полностью принять требования ультиматума Австро-Венгрия угрожала разорвать дипломатические отношения с Сербией.

Сербское правительство, ознакомившись с текстом ультиматума, и понимая, что за этим стоит прямая угроза объявления войны, направило в Санкт-Петербург послание с просьбой о помощи, которое было получено русским министром иностранных дел С.Д. Сазоновым утром 24 июля. Также сербский принц-регент королевич Александр телеграфировал русскому государю Николаю II, что Сербия не сможет защитить себя собственными силами и призывал прийти на помощь его стране.

В ответ на эту просьбу император Николай II послал королевичу Александру телеграмму, в которой предлагал направить все усилия к тому, чтобы избежать кровопролития. Если же это не удастся, государь заверял сербского королевича в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии. В таком же смысле был составлен и ответ министра Сазонова сербскому послу в Петербурге, о чем посол немедленно телеграфировал в Белград.

25 июля за десять минут до истечения срока ультиматума сербский премьер-министр Пашич вручил барону Гизлю ответ своего правительства. Сербия принимала требования ультиматума, состоявшего из десяти пунктов, за исключением пункта 6-го, в котором требовалось произвести судебное расследование против участников заговора, находившихся на сербской территории, причем лица, командированные австро-венгерским правительством, должны

были принять участие в розысках, вызываемых этим расследованием. Это и явилось основанием для разрыва австрийцами дипломатических отношений с Сербией. Бегло просмотрев ответ и убедившись, что сербы не принимают ультиматум полностью и безоговорочно, барон Гизль затребовал паспорта, после чего персонал австро-венгерской миссии, к этому времени уже сидевший на чемоданах, в полном составе отправился на вокзал.

Император Франц Иосиф весь этот день ожидал новостей из Сербии. Когда ему в четверть седьмого вечера сообщили, что Гизль выехал из Белграда, император опустил на стул, некоторое время сидел неподвижно и молча, а затем произнес: *«Но разрыв дипломатических отношений еще не обязательно означает конфликт»*.

Однако события уже развивались в силу своей внутренней логики. В Сербии шла мобилизация. Австрийский посол в Германии Сегени телеграфировал в Вену, что в Берлине указывают на существование большого риска, что в случае промедления могут вмешаться другие державы, и настаивают, чтобы Австро-Венгрия срочно атаковала Сербию и тем самым поставила мир перед свершившимся фактом.

Несмотря на некоторое замешательство, вызванное в Вене заявлением российского правительства о том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии, австрийское правительство под влиянием Германии решило идти до конца. Конрад фон Гетцендорф наконец склонил императора к подписанию приказа о мобилизации. Был подписан как приказ о частичной мобилизации против Сербии, так и приказ о всеобщей мобилизации, который пока не оглашался.

Россия признавала, что мирный исход из сложившейся ситуации должен быть приемлем для Австро-Венгрии и не затрагивать ее престиж как великой державы. Но при этом Россия твердо настаивала, что мирное разрешение вопроса также не должно унижать достоинство Сербии как независимого государства. Англия выступила с инициативой проведения по этому вопросу конференции четырех великих держав, непосредственно не вовлеченных в возникшую кризисную ситуацию: Англии, Франции, Германии и Италии.

Что касается позиции Англии, то она вела в эти дни весьма сложную дипломатическую игру. С одной стороны, глава британского министерства иностранных дел сэр Эдуард Грей рядился в тогу миротворца, с другой же, в беседах с австрийским послом графом Менсдорфом и с германским послом Лихновским старался создать у них впечатление, что в случае если начнется война, Англия в нее не вмешается, что являлось косвенным поощрением агрессивных устремлений Берлина. Если бы Грей действительно желал спасти мир от надвигавшейся военной угрозы, то ему было бы достаточно недвусмысленно заявить о том, что Англия вступит в войну, и тем самым охладить горячие головы в Берлине.

28 июля австрийское правительство, уклонившись от примирительного вмешательства великих держав в его спор с Сербией, объявило Сербии войну. В ночь с 28 на 29 июля австрийская артиллерия произвела бомбардировку Белграда.

Эрцгерцог Франц Фердинанд и герцогиня Гогенберг

Франц Конрад фон Гетцендорф начальник австро-венгерского Генерального штаба

Граф Леопольд Берхтольд министр иностранных дел Австро-Венгрии

Сергей Дмитриевич Сазонов министр иностранных дел России

Осуществив в 1908 году аннексию Боснии и Герцеговины, Австро-Венгрия нанесла чувствительный удар по международному престижу России. Тогда говорили, что для России это была “дипломатическая Цусима”. Теперь, в июле 1914-го, так же как в Вене считали, что, оставив без последствий сараевское убийство, Австро-Венгрия потеряет свой авторитет на Балканах и подорвет свое положение как великой державы, точно так же в Петербурге, исходя из совершенно аналогичных соображений, не могли допустить разгрома Сербии.

После получения сведений о том, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии и начала против нее военные действия, правительство России 16 (29) июля объявило частичную мобилизацию в пределах четырех военных округов.

Вместе с тем российское правительство заявляло о готовности России путем непосредственных сношений с венским кабинетом или же, согласно предложению Англии, путем конференции четырех великих держав продолжать переговоры о мирном улаживании спора. Однако берлинский кабинет уклонился от участия в предложенной конференции великих держав.

Правительство России, опасаясь, что Германия опередит Россию в сосредоточении и развертывании армии, после некоторых колебаний 17 (30) июля приняло решение начать всеобщую мобилизацию. Первым днем мобилизации и перевозок назначалось 18 (31) июля.

31 июля всеобщая мобилизация была объявлена в Австро-Венгрии.

В полночь с 31 июля на 1 августа Германия предъявила правительству России ультиматум с требованием в течение 12 часов прекратить мобилизацию. В полдень 1 августа ответа на ультиматум не последовало, мобилизация продолжалась, и в 7 часов вечера того же дня германский посол в Петербурге граф Пурталес вручил министру иностранных дел России Сазонову ноту с объявлением войны.

Таким образом, с 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия находилась в состоянии войны с Сербией, а с 1 августа 1914 г. Германия находилась в состоянии войны с Россией. Во всех этих четырех государствах полным ходом шла мобилизация.

Однако, согласно плану германского генерального штаба, разработанному А.Шлиффеном, предусматривалось, что в случае начала войны первый удар будет нанесен по Франции через территорию Бельгии. Поэтому получилось, что война была объявлена на востоке, против России, а эшелоны с войсками пошли в противоположном направлении, на запад. При этом никаких формальных оснований для вторжения в Бельгию и для нападения на Францию у Германии не было, а драгоценное время уходило. Россия мобилизовалась. Тогда под вымышленным предлогом, якобы французские аэропланы летали над территорией Бельгии, а также над германскими городами Карлсруэ и Нюрнбергом, и сбросили в их районе бомбы на железнодорожную линию, Германия 3 августа объявила войну Франции, а затем, под предлогом защиты нейтралитета Бельгии, 4 августа германские войска начали вторжение в Бельгию. В ответ на это Англия, являвшаяся гарантом бельгийского нейтралитета, 4 августа объявила войну Германии.

В Вене с ужасом наблюдали за тем, во что вылилась их попытка наказать Сербию. Вместо желаемого локального балканского конфликта разгорался европейский пожар. Тем временем между Австро-Венгрией и Россией состояния войны еще не было. Продолжая свои переговоры с графом Берхтольдом, русский посол в Вене Н.Н.Шебеко отмечал, что австрийское правительство далеко не радо той роли, которую ему навязал Берлин. Но реального выбора у Австро-Венгрии уже не оставалось. Было ясно, что ограничиться военными действиями только против Сербии не удастся, придется воевать с Россией, ведь Австро-Венгрия была союзницей Германии, которая уже находилась в состоянии войны с Россией и была заинтересована в том, чтобы Австро-Венгрия оттянула на себя часть русских войск в то время как основные силы германской армии будут сражаться на западном фронте против Франции. У Австро-Венгрии не оставалось иного выхода, как объявить войну России. Решение было принято 5 августа, и в 6 часов вечера 6 августа австрийский посол в Петербурге Сапари вручил министру Сазонову ноту следующего содержания:

«По приказанию своего правительства, нижеподписавшийся посол Австро-Венгрии имеет честь довести до сведения его превосходительства господина министра иностранных дел России нижеследующее:

“Принимая во внимание угрожающее положение, занятое Россией в конфликте между Австро-Венгерской монархией и Сербией, и в виду факта, что вследствие этого конфликта Россия, согласно сообщению берлинского кабинета, сочла нужным открыть военные действия против Германии и что последняя находится, поэтому, в состоянии войны с названной державой, Австро-Венгрия считает себя также в состоянии войны с Россией, считая с настоящего момента”.

Сапари».

* * *

Что же касается вопроса об ответственности за развязывание войны, лежащей на тогдашних великих державах, то хотя в той или иной мере они все ее несут, основная часть этой ответственности, вне всякого сомнения, лежит на Германии. Ведь именно Германия настойчиво подталкивала Австро-Венгрию к войне с Сербией.

Говоря об ответственности России, можно сказать, что она виновна в том, что не осталась безучастной к судьбе Сербии, подвергшейся нападению со стороны Австро-Венгрии. Но значит ли это, что позволив Австро-Венгрии разгромить Сербию, Россия уберегла бы себя и весь мир от войны?

В предшествующие годы во время обострения ситуации на Балканах Россия, не будучи готовой к войне, неоднократно шла на уступки. Однако эти уступки нисколько не умеряли аппетитов противной стороны. Даже если бы в июле 1914-го в Петербурге решили отсидеться в стороне, пожертвовав и своим союзником на Балканах, и своим государственным престижем, это не избавляло Россию от угрозы войны. Не следует забывать, что замыслы Германии в отношении передела мира вовсе не сводились к разгрому Сербии австрийцами, а были значительно более масштабными. И когда Германия начала бы вооруженную борьбу с Францией, то Россия, связанная с последней союзническими обязательствами, все равно была бы вовлечена в войну.

Глава 1

Галиция, начало войны

Воскресный день 28 июня 1914 года выдался во Львове солнечным. Жители отправились на прогулки в скверы и парки, поехали за город. По улицам ходили веселые группы школьников – был конец учебного года, прекрасная погода предвещала приятные каникулы. Руководители украинского движения в Галиции устроили в этот день смотр своих полувоенных формирований, на котором присутствовал наместник Галиции Витольд Кобытовский. А вечером пришло сообщение, что в Сараево убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня Гогенберг. Новость поразила людей, ее обсуждали, строили различные предположения, но едва ли кто мог тогда предвидеть, какие последствия для них, для Австро-Венгерской монархии, для всей Европы будут иметь эти выстрелы в Сараево...

В понедельник 27 июля “Kurjer Lwowski” в чрезвычайном дополнении, под заголовком “Война! Первые выстрелы!”, опубликовал сообщение Венского корреспондентского бюро о том, что с сербских пароходов на Дунае были обстреляны австрийские войска. В этом же выпуске публиковалась информация об объявлении частичной мобилизации.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Начало войны произвело во Львове тем более сильное впечатление, что в Боснии были расположены отдельные подразделения львовского полка № 30, коломыйского № 24 и злочевского № 80, которым первыми предстояло вступить в бой с противником.

30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию.

В субботу 1 августа во львовской прессе сообщалось об объявлении всеобщей мобилизации в Австро-Венгрии. В то же время выражалась надежда на то, что война будет локализована и «военная экспедиция австрийской армии продлится около четырех недель».

Однако в тот же день Германия объявила войну России.

Теперь у Австро-Венгрии, которая являлась союзницей Германии, не оставалось иного выхода, как тоже объявить войну России. 6 августа австрийский посол в Петербурге Сапари вручил российскому министру иностранных дел Сазонову ноту с объявлением войны.

В тот же день российский консул во Львове Николаев получил предписание покинуть Львов. К дому № 10 на улице Ясной (ныне ул. Конопницкой), где находилось российское консульство, подъехали выделенные наместничеством четыре автомобиля, с которыми прибыли комиссар полиции и представитель военных. После некоторой задержки, вызванной разбирательством с владельцем дома по поводу оплаты за помещение, консул, члены его семьи и прислуга заняли места в автомобилях, в других автомобилях сложили багаж. Под конвоем конной полиции консул был препровожден на вокзал, а затем поездом, в сопровождении военных выехал к границе, в направлении на Белзец. Со здания, в котором располагалось консульство, сняли вывеску.

На границе завязались первые бои. Экстренный выпуск газеты “Kurjer Lwowski” от 7 августа сообщал под заголовком “Война Австрии с Россией. Первая победа”: «Против России начата война вчера в четверг 6 августа наступлением около Кракова».

* * *

Еще со второй половины XIX века политическая ситуация в австрийской Галиции характеризовалась, в частности, противостоянием двух национальных движений в среде галицких русинов – русского, стоявшего на позиции признания культурно-национального единства всего

русского народа, и созданного ему в противовес движения украинского (украинофильского), приверженцы которого, в полном согласии с австро-польскими властями Галиции, стремились внушить русинам, что они, вместе с российскими малороссами, принадлежат к совершенно отдельному, не русскому, а “украинскому” народу.

Демонстрация во Львове по поводу объявления войны

*Эрцгерцог Фридрих
Верховный главнокомандующий австро-венгерской армии*

Непримиримая вражда сторонников украинского движения в Галиции к своим же братьям-галичанам, не желавшим в угоду властям отречься от идеи русского единства, постоянно проявлялась в злобных нападках, в призывах «завесить кацапское стерво на сухих вербах», в доносах и обвинениях в государственной измене, которые публиковались в прессе и звучали в выступлениях украинских депутатов. На протяжении последних предвоенных лет клевета и доноительство стали особенно широко использоваться галицкими украинофилами в борьбе против русского национального движения в Галиции.

Но политическая и культурно-просветительная деятельность Русской народной организации, осуществляемая в рамках австрийской конституции, не давала законных оснований для применения репрессивных мер против русского движения в Галиции. Попытка разделаться с

этим движением посредством проведения показательного судебного процесса по делу С.Ю. Бендасюка и товарищей, предпринятая властями незадолго до войны, завершилась полным провалом. Все подсудимые – активист русского движения Семен Бендасюк, студент Василий Колдра, и православные священники Максим Сандович и Игнатий Гудыма, которые обвинялись в государственной измене, были судом полностью оправданы.

Начавшаяся война коренным образом изменила ситуацию, давая возможность властям и их прислужникам отбросить всякие соображения законности, и не только свести давние политические счеты, но и учинить кровавую расправу над своими идейными противниками.

Уже в день объявления в Австро-Венгрии всеобщей мобилизации, 31 июля, начались аресты галицко-русских политических и общественных деятелей – были арестованы депутат Д.А. Марков, К.С. Черлунчакевич и Н.Ю. Несторович. На следующий день, 1 августа, подверглись аресту находившиеся во Львове сотрудники газеты “Прикарпатская Русь” К.Н. Пелехатый и д-р И.А. Гриневецкий, а также управляющий конторой К.Р. Клебер. Издание газеты полиция запретила, а в редакции был произведен тщательный обыск.

4 августа по приказу наместничества была прекращена деятельность обществ “Народный Дом” и “Общество им. М. Качковского”. Для управления имуществом этих обществ были назначены правительственные комиссары.

Затем полиция приостановила деятельность следующих “москвофильских” обществ во Львове: “Русская Рада”, “Общество русских дам”, “Свято-Владимирское Общество”, “Союз русских дружин в Австрии”, “Русская дружина во Львове”, “Общество русских женщин “Жизнь”, “Кружок русских студентов-политехников” и “Друг”. Помещения всех названных обществ были опечатаны.

Далее последовали уже массовые аресты русских галичан как во Львове, так и в провинции. 8 августа цесарско-королевское наместничество направило старостам и директорам полиции циркуляр такого содержания:

«Президиум ц.к. Наместничества.

Львов, 8 августа 1914.

№ 18385/пр.

Руссофильская пропаганда.

Циркуляр.

Всем господам ц.к. старостам и ц.к. директорам полиции во Львове и Кракове.

Настоящие напряженные отношения между нашей монархией и Россией требуют энергичной борьбы с москвофильским движением, не скрывающим своих симпатий к России.

Так как сторонники и организации этого враждебного государству движения могут в серьезный момент пагубно повлиять на действия наших вооруженных сил, следует немедленно принять соответствующие меры, чтобы раздавить это движение всеми находящимися в распоряжении средствами. [...]

О всех в этом деле наблюдениях и возможных мерах в каждом отдельном случае следует безотлагательно мне доносить.

За ц.к. Наместника

Гродзицкий».

*Великий князь Николай Николаевич
Верховный главнокомандующий русской армии*

Группа офицеров австро-венгерской армии

Для того чтобы выявление и задержание “врагов” происходило более активно, власти на местах устанавливали за эту деятельность денежное вознаграждение. Так, например, в начале мобилизации военным комендантом города Самбора было издано на польском и украинском языках “Воззвание к полякам, украинцам и евреям”, расклеенное как в самом городе, так и в населенных пунктах Самборского повета. В воззвании говорилось:

«Неприятель пользуется серьезным военным положением, в каком сейчас находится ваш любимый и прекрасный край, с той целью, чтобы известные подозрительные элементы неприятельского государства могли проскользнуть в вашу среду для использования живущих здесь москвофилов с целью выдачи неприятелю сведений о движениях наших войск и о нашем положении.

Испытанный патриотизм и непоколебимая преданность нашему Высочайшему Дому, который всегда заботливо и человечно относился к своим верным подданным, не допустят, чтобы патриотически настроенный поляк, украинец и еврей мог терпеть такого рода субъектов рядом с собою.

Напротив, является обязанностью обезвреживать подобных лиц, т. е. как только кто-нибудь получит сведения о такого рода личностях, следует донести о них ближайшей гражданской или военной власти. Доставка лица, которое будет уличено в шпионстве или пропаганде москвофильства, будет вознаграждаться суммой 50 – 500 крон.

Ц. и к. комендант города».

Теперь заветная мечта галицких украинцев – расправиться с ненавистными “москвофилами” – становилась осуществимой. В наместничество, в полицию, в канцелярию военного коменданта посыпались доносы на сторонников русского движения. И доноса, в котором говорилось, что тот или иной человек придерживается русских убеждений, было достаточно, чтобы его как изменника и шпиона сейчас же арестовали, а то и казнили. Понятно, что первыми жертвами арестов стали активные члены галицко-русских обществ, русских читален – на них еще до войны властями были составлены “черные списки”. Затем пошли под арест те, на кого пало подозрение в симпатиях к русскому движению. Но развернувшаяся вакханалия доносителства открывала широкие возможности не только для политических преследований, но и

для сведения личных счетов, просто для получения денежного вознаграждения за разоблачение “изменников” и “шпионов”; при этом люди, на которых поступали доносы, могли вообще не иметь никакого отношения к русскому движению. Галицкая украинская газета “Діло” так писала о репрессиях в бучачском повете:

«...Военные власти предприняли целый ряд репрессивных и превентивных мер, которые проявились прежде всего в аресте московских агентов и шпионов и в роспуске русофильских обществ. В том числе арестовано также немало “старорусинов” в Бучаче и окрестностях. [...] В этом деле власти поступали с такой предосторожностью и строгостью, что попали под арест люди, которые даже не были русофилами, а разве что находились в родственной связи с ранее арестованными. Все арестованные вывезены пока в Коломью. Распуцены во всем повете все русофильские общества...».

Десятками, сотнями гнали под конвоем крестьян и интеллигентов из окрестных сел в ближайший городок – в тюрьму – *«все на основе ложных доносов евреев, поляков и украинцев, и, просто, злобных соседей, мстящих им за свои, какие то частные и личные счеты с ними. Впрочем, достаточно было, чтобы кто то на улице показал на карпаторосса пальцем как на подозрительного человека и его сейчас арестовывали»*, – писал впоследствии С. Бендасюк.

Тюрьмы были переполнены, так что в камерах, предназначенных для трех человек, теснилось по 11–15 человек. Из маленьких городков арестованных переправляли в тюрьмы крупных городов. Наместничество рассылало по адресу провинциальных властей телеграммы, подобные следующей:

«Всех арестованных политически заподозренных, неблагонадежных русофилов и т. п., поскольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно в львовскую тюрьму; арестовать всех кто только подозрителен».

Вот здесь, в большом городе и начиналась настоящая, кровавая расправа с арестованными. Жандармы и полицейские вели их специально среди бела дня по главным улицам и показывали прохожим на них как на государственных преступников, изменников, шпионов и вообще виновников войны. Составлявшие городскую толпу евреи, поляки и украинцы обзывали арестованных самыми неприличными ругательствами и прозвищами, плевали им в лицо, бросали в них камнями, избивали палками. Конвоиры не только не охраняли арестованных от нападков разъяренной толпы, но и поощряли эту толпу к издевательствам над беззащитными и беспомощными людьми.

Как вспоминал А.И. Веретельник:

«Я был тоже свидетелем следующего факта: с главного вокзала вели партию арестованных в тюрьму “Бригидки”. На Городецкой улице, возле казарм Фердинанда, толпа убила камнями священника. Когда он упал под ударами палок и камней, конвойный солдат толкнул его еще раз изо всей силы прикладом. Солдаты сняли с покойника кандалы. После чего крестьяне, взяв труп на руки, понесли с собой в тюрьму...».

Утром 6 августа арестовали и меня. В тюрьме все камеры были переполнены. Спать не было где, приходилось соблюдать очередь. Есть давали раз в сутки. Тюремные надзиратели и полицейские обращались с нами бесчеловечно».

Далее тот же автор описывает обстоятельства, при которых был арестован сидевший с ним в камере банковский чиновник Н.Островский:

«Он возвращался около 8 часов вечера домой. Какой то человек, увидев его на улице, обратился к проходившему офицеру: “Прикажете арестовать этого господина, он наверное российский шпион; я слышал, как он у парикмахера говорил по русски”. И этих слов проходивца было достаточно, чтобы арестовать ни в чем неповинного человека».

А вот свидетельства Ивана Рудко из Золочевского повета:

«Во Львове на вокзале построили всех в шеренги. [...] Городская толпа, жаждавшая зрелищ и теперь ежедневно собиравшаяся кругом вокзала встретила эшелон неистовым криком

и угрозами, готовая арестованных растерзать на месте. Несмотря на присутствие насневшей конной и пешей полиции и вооруженных солдат, бросала камнями, толкала и била. [...]

В мирное время культурная на первый взгляд львовская публика, превратилась в начале войны в варваров, в диких зверей, потеряла свой человеческий облик. А ведь каждый из жителей Львова считает себя европейцем. А русский народ в Галичине страдал и кровью истекал от моральных и физических ран, наносимых ему этой страшной “европой”.

Во дворе в Бриgidках стояли готовые несколько виселиц, ежедневно скрипевшие под тяжестью повешенных неумелою рукою жандарма или солдата, невинных жертв. Трудно было смотреть из камер в окошко на страшное зрелище. А ведь до ушей заключенных долетал снизу смех должностных лиц, высылавших арестованных на тот свет»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.